

Морская карта — не просто навигационное пособие, необходимое для того, чтобы попасть из одной точки в другую; морская карта — это и гравюра, и страница истории, а иногда — и приключенческий роман.

Жак Дютоэ. Моряк

Вглядимся в эту ночь. Она почти совершенна, Полярная звезда сияет на своем месте — на воображаемой прямой, проведенной через Мерак и Дубхе, бету и альфу Большой Медведицы, в точке, которую получаешь, пять раз отложив направо расстояние между ними. Полярная звезда будет пребывать здесь еще двадцать тысяч лет; увидев ее там, наверху, утешится каждый путник, ибо хорошо, что есть нечто неизменное, когда надо прокладывать курс и по морской карте, и по окутанному туманом ландшафту жизни. Если еще некоторое время посмотрим на звезды, мы легко обнаружим Орион, потом — Персея и Плеяды. Это совсем не трудно, поскольку ночь очень ясная, на небе ни облачка и даже ветра нет. Зюйд-вест улегся на закате, и гавань — как черное зеркало, в котором отражаются огни портовых кранов, освещенных замков, стоящих высоко над морем, и проблески — слева зеленый, справа красный — маяков Сан-Педро и Навидад.

А теперь подойдем поближе к тому человеку. Опираясь на парапет, он стоит неподвижно. Смотрит в небо, тьма которого к востоку заметно густеет, и думает, что утром снова задует левантинец и снова поднимется волна. При этом кажется, будто он как-то странно улы-

бается, и, если предположить, что кто-нибудь сейчас видит его лицо, освещенное снизу огнями порта, он, несомненно, говорит себе: можно улыбаться и получше — не так горько, не так безнадежно. Но мы-то знаем, в чем причина. Знаем, что последние недели в море, в нескольких милях отсюда, ветер и волны играли жизнью этого человека. А теперь все это уже не имеет никакого значения.

Не будем упускать его из виду — ведь именно его историю мы начинаем рассказывать. Посмотрев вместе с ним на порт, мы различим огни корабля, который медленно отходит от причала. Из-за дальности расстояния, из-за доносящихся сюда звуков города мы с трудом различаем приглушенный шум судовых машин и плеск вспененной винтами воды, но догадываемся, что в эти минуты команда укладывает в бухты последние метры только что отданных швартовых. Глядя на корабль с высокой горы, этот человек чувствует две разные боли: одна — там, где солнечное сплетение, она сделана из той же горькой тоски, что гримаса, которая похожа — мы скоро убедимся, что всего лишь похожа, — на улыбку. Но есть и другая боль, определеннее и острее, — она исходит с правой стороны: там мокрым холодом прилипла к телу рубашка, оттуда каплями по бедру, пропитывая ткань брюк, сочится кровь, выталкиваемая каждым сокращением сердца.

«К счастью, — думает он, — сегодня мое сердце бьется очень медленно».

I. Лот № 307

Я избороздил в долгих плаваниях океаны
и библиотеки.

Герман Мелвилл. Моби Дик¹

Мы могли бы назвать его Измаилом, однако на самом деле его звали Кой. Я узнал его в предпоследнем акте этой истории, когда он уже вот-вот должен был потерпеть кораблекрушение и плыть по волнам, подобно многим другим, на гробу, превращенному в спасательный буй, а китобойное судно под названием «Рахиль» тем временем ищет своих детей и не может утешиться, ибо нет их. Кой уже некоторое время лежал в дрейфе, когда решил заглянуть на аукцион «Клеймор», просто чтобы убить время. В кармане у него было совсем немного денег, а в номере пансиона неподалеку от Рамблас — несколько книг, секстант и диплом первого помощника, на который Главное управление торгового флота наложило запрет сроком на два года, и случилось это четыре месяца назад, после того как сухогруз «Исла Негра» водоизмещением сорок тысяч тонн сел на мель в Индийском океане в 4 часа 20 минут, то есть когда вахту нес Кой.

Кою нравились аукционы, на которых продавались вещи, связанные с морем, хоть он и не мог участвовать в торгах. Но «Клеймор», расположенный на втором этаже здания на Консел-де-Сент, притягивал его и тем, что

¹ Перевод И. М. Бернштейн. — *Здесь и далее примеч. перев.*

там работал кондиционер, а после аукциона обносили шампанским, и клиентов обихаживала длинноногая девушка с приятной улыбкой. Что же до выставленных на аукцион предметов — он любил рассматривать их, представлять себе их судьбу, воображать, какие пришлось им перенести штормы до того, как они оказались выброшенными на этот последний берег. Засунув руки в карманы тужурки из темно-синего сукна, он весь аукцион внимательно следил, кто купит те предметы, которые особенно пришлись ему по душе. И часто бывал разочарован: например, великолепный водолазный скафандр с вмятинами и славными шрамами — он вызывал мысли о затонувших судах, подводных отмелях, о фильмах Жана Негулеско с гигантскими кальмарами и Софи Лорен, выходящей из воды в облепившей ее скульптурные формы рубашке, — покупал какой-нибудь антиквар, совершенно бестрепетно поднявший картонку с номером. А морской компас фирмы «Браун энд сан», старинный, в сохранившемся корпусе и прекрасно работающий, за который Кой душу бы продал, когда учился в мореходке, ушел за предлагаемую цену какому-то типу, явно не имеющему ни малейшего понятия о море; наверняка он выставит компас в витрине своего роскошного спортивного магазина, где его купят за сумму в десять раз бóльшую.

На сей раз аукционист пристукнул молотком лот номер 306 — некогда принадлежавший итальянскому королевскому флоту хронометр «Улисс Нардин», который тоже ушел по первоначальной цене, — и заглянул в свои записи, придерживая очки указательным пальцем. Манеры у него были мягкие, вкрадчивые, хотя галстук, повязанный под воротничком рубашки цвета сомо, казался все-таки вызывающим. Между лотами аукционист мелкими глотками отхлебывал воду из стакана.

— Следующий лот — «Морской атлас побережья Испании» Уррутии Сальседо. Номер триста семь.

Это объявление он сопровождал почти незаметной улыбкой, которая — Кой понял это, наблюдая за аукционистом, — приберегалась для тех лотов, чью ценность он хотел подчеркнуть.

— Жемчужина картографии восемнадцатого века, — добавил он после соответствующей паузы, особо выделив «жемчужину», точно по-настоящему страдал, расставаясь с нею.

Помощник, молодой парень в синем халате, немного приподнял том ин-фолио, чтобы его увидели в зале, и Кой грустно поглядел на атлас. В каталоге «Клеймора» сообщалось, что купить его не так-то просто, потому что большая часть экземпляров находится в музеях и библиотеках. Этот экземпляр прекрасно сохранился; скорее всего, в море бывать ему не приходилось, иначе влажность, карандашные отметки и работа с картами обязательно оставили бы свои неустрашимые следы.

Аукционист объявил начальную цену — таких денег Кою хватило бы прожить полгода, почти ни в чем себе не отказывая. В первом ряду широкоплечий мужчина с большим лбом и длинными седыми волосами, собранными в косицу, — мобильный телефон этого человека звонил уже трижды, к возмущению публики, — поднял картонку с номером 11; взметнулись и другие картонки, и аукционист, высоко держа свой деревянный молоточек, внимательно следил за предложениями и подчеркнуто вежливо повторял их вслух, умело провоцируя дальнейший подъем цены. Заявленная цена увеличилась вдвое, и большинство желавших приобрести атлас сошли с дистанции. Борьбу вели только четверо: крепкий мужчина с седым хвостиком, худой бородач, женщина — Кой видел только половину ее

светловолосой головы и руку с картонкой — и прекрасно одетый лысый господин. Когда женщина удвоила предложенную цену, тип с хвостиком рассерженно повернулся к ней, и Кой заметил его зеленоватые глаза, агрессивный профиль, большой нос и высокомерный подбородок. На пальцах, державших картонку с номером, сияло несколько золотых колец. Такой человек вряд ли стерпит, чтобы у него перебивали понравившуюся вещь. Он резко повернулся направо, к молодой, сильно накрашенной брюнетке, которая прежде отвечала тихим шепотом на звонки: вот ей-то теперь и пришлось испытать на себе все последствия плохого настроения босса — он вполголоса что-то раздраженно выговаривал ей.

— Будут еще предложения?

Тип с седым хвостиком поднял руку, светловолосая женщина тоже подняла картонку — ее номер был 74. Зал напряженно застыл. Худой бородач предпочел убраться, а после двух следующих повышений цены засомневался и хорошо одетый лысый господин. Тип с хвостиком поднял цену, снова зазвонил его мобильник, и все в зале нахмурились; секретарша передала ему телефон, он плечом прижал его к уху, одновременно воздев картонку с номером, чтобы ответить на новое предложение, только что сделанное светловолосой женщиной. В эту минуту весь зал болел за блондинку: все хотели, чтобы у типа с хвостиком кончились деньги или сел аккумулятор в телефоне. Уррутия в три раза превзошел заявленную сначала цену, и Кой обменялся веселым взглядом со своим соседом, маленьким смуглым человечком с густыми темными усами и гладко зачесанными назад набриолиненными волосами. Тот ответил на взгляд Коя вежливой улыбкой. Человечек стоял, сцепив руки на животе, и безмятежно крутил большими пальцами. Ростом он был мал, аккуратно, почти кокетливо

одет, с галстуком-бабочкой в красный горошек и в пиджаке, являвшем собой помесь пиджака а-ля принц Уэльский и шотландского тартана, что придавало его владельцу чертовски британский вид — словно у турка, одетого от «Берберриз». Глаза его, немного навывкате, смотрели меланхолично и ласково, как у лягушек из детских книжек.

— Кто предложит больше?

Аукционист держал молоточек высоко, его вопросительный взгляд впился в типа с хвостиком, а тот уже отдал мобильный телефон секретарше и сердито смотрел на аукциониста. Его последнее предложение, ровно в три раза превышавшее исходную цену, перекрыла светловолосая женщина, чье лицо Кой, как ни старался, рассмотреть не мог. И было трудно определить, что именно так раздражает типа с хвостиком — слишком высокая цена или же компетентность и профессионализм, воплощенные в этой женщине.

— Дамы и господа, кто предложит больше? — очень спокойно спросил аукционист. Он обращался к типу с хвостиком, но ответа не получил. Все, кто был в зале, в напряженном ожидании смотрели в том же направлении, что и аукционист. Кой тоже. — Значит, атлас уходит по этой цене, — видимо, она окончательная. Раз... два...

Мужчина с хвостиком вскинул руку с картонкой так резко, словно держал в ней кинжал. По залу прошелестел шепот, а Кой опять постарался разглядеть женщину. Картонка с ее номером тоже взметнулась вверх — блондинка перекрывала цену, предложенную конкурентом. Публика напряженно следила за поединком, словно речь шла о сражении не на жизнь, а на смерть, и за две минуты последовала быстрая серия ударов: еще не успевал опустить свою картонку номер 11, а вверх уже взлетал номер 74. Такой темп оказался чрезмерным даже

для аукциониста, который дважды делал паузу и отхлебывал воду из стакана, стоявшего у него на пюпитре.

— Будут еще предложения?

К тому времени, когда атлас Уррутии стоял в пять раз больше, чем в начале торгов, номер 11 совершил ошибку. Может, не выдержали нервы, хотя, возможно, ошибку допустила его секретарша, когда в самый критический момент передала шефу вновь зазвонивший телефон: аукционист поднял молоточек, ожидая следующего предложения, а тип с хвостиком потерял темп, словно обдумывал, стоит ли продолжать. Ошибку, если она, конечно, была, можно бы приписать и самому аукционисту, который, вероятно, поторопился истолковать резкое движение номера 11 как знак досады и отказа от дальнейшей борьбы. Впрочем, может, никакой ошибки не было, поскольку и аукционисты, как прочие смертные, имеют свои пристрастия и предубеждения, и вполне вероятно, что этому аукционисту номер 74 был симпатичнее. Как бы то ни было, через три секунды молоточек стукнул по пюпитру, атлас Уррутии остался за светловолосой женщиной, лица которой Кою так и не удалось увидеть.

Лот номер 307 был одним из последних, и сессия завершилась без новых вспышек эмоций или инцидентов; человек с седым хвостиком больше в торгах не участвовал — еще до конца аукциона он встал и вышел под перестук каблуков секретарши; правда, уходя, бросил бешеный взгляд на блондинку. Она тоже больше ни разу не подняла свой номер. Худой бородач удовольствовался весьма недурной на вид подозрительной трубой, а суровый господин с грязными ногтями, сидевший прямо перед Коем, приобрел за цену, лишь немногим превышавшую начальную, модель корабля «Сан-Хуан Непомусено» длиной больше метра и в достаточно хорошем состоянии. Последний лот — набор старых мор-

ских карт Британского адмиралтейства — покупать никто не захотел. Аукционист объявил сессию закрытой, все поднялись и перешли в небольшой зал, где фирма «Клеймор» подносила клиентам по бокалу шампанского.

Кой поискал взглядом светловолосую женщину. При иных обстоятельствах он бы уделил больше внимания молоденькой девушке, которая направлялась к нему с подносом, уставленным бокалами. Девушка помнила его по предыдущим аукционам и, хотя знала, что он никогда не участвует в торгах, была явно к нему неравнодушна, несмотря на его потертые вылинявшие джинсы и белые теннисные туфли, несколько странно дополнявшие тужурку темно-синего сукна с двумя рядами пуговиц, теперь уже скромных, из черной пластмассы: раньше на их месте сияли золотом пуговицы с якорьком торгового флота. На обшлагах виднелись следы споротых, тоже некогда золотых, офицерских нашивок. Но даже в таком увечном виде тужурка эта была Кою дорога — наверное, потому, что в ней он чувствовал свою связь с морем. Особенно когда бродил в окрестностях порта и мечтал о тех ушедших временах, когда вот так, слоняясь по причалам, еще можно было найти капитана, который примет тебя в свой экипаж, когда еще существовали дальние острова, где не представляло труда скрыться, настоящие вольные республики, где никто и слыхом не слыхал о запрете на профессию сроком на два года, куда не доходили повестки морского трибунала и ордера на выдачу. Тужурку эту, а также соответствующие брюки и фуражку сшили ему по мерке «Наследники Рафаэля Вальса» пятнадцать лет назад, когда он получил диплом второго помощника; Кой всегда брал ее во все рейсы и надевал в тех ситуациях — случавшихся все реже и реже, — когда от моряка торгового флота еще требовалось одеваться по форме. Он имено-

вал ее «пиджаком лорда Джима» — очень подходящее название в его нынешней ситуации — с того времени, когда, по собственному его определению, для него началась эпоха Конрада. Кой считал, что уже прожил эпоху Стивенсона и эпоху Мелвилла; и когда он решался поглядеть на тот след, что оставляет за кормой любой человек, в эти три эпохи укладывалась вся его жизнь, и третья — конрадовская — оказывалась самой несчастливой. Ему недавно исполнилось тридцать восемь, впереди простирались двадцать бесконечных месяцев без моря, экзамен на капитанское звание был отложен на неопределенный срок, его выбросили на берег с такой характеристикой, от которой у любого судовладельца, чей порог он переступал, непроизвольно сдвигались брови; плата за комнату в пансионе неподалеку от Рамблас и ежедневные домашние обеды у Тересы безжалостно истощали его последние сбережения. Еще неделя-другая, и ему придется наниматься простым матросом на одно из тех проржавевших корыт с украинским экипажем и греческим капитаном, которые арматоры иной раз посылали с фиктивным грузом на верную гибель ради получения страховки. Выбор невелик: или нечто подобное, или надо устраиваться на берегу, но от одной мысли об этом Коя мутило, поскольку он обладал главным достоинством моряка (хоть на мостике «Ислы Негры» оно ему и не помогло) — интуитивным чувством неуверенности, которое иной раз трактуется как недоверие; понять это может только тот, кто в Бискайском заливе видел, как барометр за три часа падает на три миллибара, или тот, кому в проливе Ормуз внезапно перекрывает путь танкер водоизмещением полмиллиона тонн и длиной метров четыреста. Это очень неопределенное ощущение, какое-то шестое чувство; оно вдруг заставляет человека проснуться при малейшем

изменении в режиме работы машин, или внушает ему тревогу при виде маленького черного облачка на горизонте, или вдруг ни с того ни с сего побуждает капитана появиться на мостике и словно бы невзначай все осмотреть. С другой стороны, это вполне естественно в такой профессии, где каждая вахта заключается, собственно, в том, чтобы сравнивать показания гирокомпаса и показания компаса магнитного — иными словами, сравнить одно неточное направление на север с другим, столь же недостоверным. А у Коя это чувство неуверенности, как ни парадоксально, только усиливалось, когда приходилось ступать по твердой земле. К несчастью или, наоборот, к счастью, он принадлежал к тому роду людей, для которых единственное нормальное место для жизни располагается не менее чем в десяти милях от ближайшего берега.

Он отпил шампанского из бокала, поданного длинноногой девушкой, одарившей его кокетливой улыбкой. Кой не был привлекательным мужчиной: роста ниже среднего, с чересчур широкими, мощными плечами, с массивными грубыми руками, унаследованными от отца, неудачливого торговца морским товаром; вместо денег тот оставил сыну еще и неуклюжую походку враскачку — так ходит только человек, далеко не убежденный в том, что земля, по которой он ступает, достойна доверия. Однако грубость черт — широких губ и большого, агрессивного носа — смягчал спокойный и ласковый взгляд темных глаз; так смотрят некоторые охотничьи собаки на своих хозяев. Улыбка, изредка мелькавшая на его губах, подчеркивала это впечатление: застенчивая, искренняя, почти детская — ею он вознаграждал девушку и за бокал шампанского, и за приветливость. А сейчас девушка удалялась от него, пробираясь среди клиентов; неизбежная, увы, юбка все же

не мешала видеть длинные ноги, ступавшие осторожно и точно, и ей, разумеется, казалось, что Кой не сводит с них глаз.

Вот именно — казалось. Потому что в эту минуту, поднося бокал ко рту, он осматривал зал, разыскивая глазами светловолосую женщину. На мгновение взгляд его задержался на невысоком человеке с меланхолическим взором и в клетчатом пиджаке: коротышка вежливо наклонил голову. Кой продолжал разглядывать публику, пока не обнаружил блондинку: она снова стояла к нему спиной и разговаривала с аукционистом, держа в руке бокал с шампанским. На ней был замшевый жакет, темная юбка и туфли на низком каблуке. Кою очень хотелось ее рассмотреть, и он постепенно продвигался ближе, глядя на прямые золотистые волосы, высоко подстриженные на затылке и двумя асимметричными, но четкими и изящными линиями спускавшиеся к подбородку. Когда она разговаривала, ее волосы мягко покачивались и касались лица, которого он сзади видеть все равно не мог. Преодолев две трети расстояния до нее, Кой обнаружил, что изогнутая шея вся покрыта веснушками — сотнями крошечных веснушек, чуть темнее кожи, не столь уж и светлой для блондинки: загар говорил о жизни на свежем воздухе, на солнце, под открытым небом. И вот, когда он уже почти добрался до нее и через минуту мог бы наконец рассмотреть ее вблизи, она попрощалась с аукционистом и повернулась. Кой видел ее не более двух секунд — ровно столько ей понадобилось, чтобы, слегка наклонившись, поставить бокал на стол. И она ушла. На краткий миг глаза их встретились, и ему хватило этого мгновения: он запомнил необычно темные глаза с синими искрами. А может быть, наоборот — синие глаза с черными искрами. Эти глаза скользнули по лицу Коя, не видя его, но он-то успел заметить, что и лоб, и все лицо, и руки у нее покрыты вес-

нушками; вся она была в веснушках и от этого казалась необычной, очень привлекательной и чуть ли не девочкой, хотя ясно было, что ей уже много больше двадцати. Еще он заметил большие мужские часы в стальном корпусе с черным циферблатом, и носила она их на правой руке. И еще — она была выше его на полголовы. И очень красива.

Через пять минут и Кой вышел на улицу. В сиянье городских огней было видно, как по темному небу бегут на юго-восток тучи, и Кой знал, что вот-вот поднимется ветер и ночью, скорее всего, пойдет дождь. Стоя у входа и засунув руки в карманы тужурки, он раздумывал, куда повернуть — налево или направо; от этого решения зависело, перехватит ли он что-нибудь в ближайшем баре или направится на Пласа-Реаль, где пропустит пару порций голубого джина «Бомбей», сильно разбавленного тоником. Нет, не пару, одну, быстро поправился Кой, вспомнив плачевное состояние своих финансов. Машин на улице почти не было, и сквозь листву деревьев, на сколько хватало глаз, виднелись выстроившиеся в шеренгу светофоры, переключавшиеся с желтого на красный. Поразмышляв десять секунд, как раз в тот миг, когда на последнем в ряду светофоре зажегся красный, а на ближайшем — зеленый, Кой зашагал направо. Так он совершил первую в ту ночь ошибку.

ЗСНВ — Закон совсем не случайных встреч. Основываясь на известном законе Мёрфи, гласящем, что, если неприятность может случиться, она и случится, — а закон этот, как убедился Кой в последнее время, действует неукоснительно, — он выводил собственные, для внутреннего, так сказать, потребления, законы, которым давал торжественно-научные названия. ЗПТСН — Закон «Приглашай на танец самую некрасивую», или ЗПБ — Закон падающего бутерброда; а также другие

формулы, более или менее подходящие к его печальным обстоятельствам. Разумеется, толку от этого законотворчества не было никакого, разве что улыбнешься иной раз. Про себя. Но как бы то ни было — шутки в сторону, — Кой был глубоко убежден, что во вселенной (как и в джазе, который он очень любил) царит удивительный порядок и все случайности и импровизации выверены настолько математически точно, что невольно задаешься вопросом, не расчислены ли они наперед где-то там, неизвестно где. Вот и теперь он оказался в ситуации, описываемой только что сформулированным ЗСНВ. Приближаясь к перекрестку, он — сначала — увидел большой автомобиль цвета «серый металлик», стоявший с открытой дверцей у тротуара. Потом, при свете фонаря, чуть подалее — мужчину, который разговаривал с женщиной. Сначала Кой разглядел мужчину — тот был ближе; а через несколько шагов, когда уже мог различить его сердитое лицо, понял, что он ссорится с женщиной (раньше ее скрывал от Коя фонарный столб); женщина была светловолосой, с высоко постриженным затылком, в замшевом жакете и темной юбке. Желудок Коя сжался, и в то же время Кой чуть не рассмеялся от неожиданности. И сказал себе: иногда жизнь в своей непредсказуемости предсказуема. Чуть-чуть подумал и добавил: или наоборот. Потом определил курс и дрейф. Это он делал машинально, по привычке, хотя тот курс, который он проложил последний раз — курс к крушению, иначе не скажешь, — привел его прямо в морской трибунал. И все же он взял на десять градусов левее, чтобы пройти как можно ближе к ссорящейся паре. То была его вторая ошибка — он изменил здравому смыслу любого моряка: следуя этому здравому смыслу, надо с должной осторожностью приближаться к любому берегу — или опасности.

Видно было, что мужчина с седой косицей взбешен. Поначалу Кой не слышал его: тот говорил негромко, но Кой заметил, что рука мужчины поднята, а указательный палец наставлен на женщину, которая стояла не шевелясь. Палец приблизился к ней вплотную, мужчина ткнул ее в плечо, не сильно, однако сердито, и женщина отступила на шаг, словно испугалась.

— ...Последствия, — услышал наконец Кой голос мужчины. — Вам понятно? Ответственность за последствия несете вы!

Он опять поднял руку, намереваясь снова ткнуть женщину в плечо. Она отступила еще на шаг, но мужчина явно знал, чего хочет: он схватил ее за руку, хотя, видимо, хотел не причинить ей боль, а убедить ее или припугнуть. Но был в такой ярости, что женщина, почувствовав его хватку, вскрикнула и, вырвав руку, снова отступила. Мужчина предпринял было еще одну попытку, но она не удалась, поскольку между ними уже стоял Кой и пристально смотрел ему в глаза; человек замер с поднятой рукой, сияющей в свете фонаря золотом колец, и открыл рот — то ли намеревался сказать что-то женщине, то ли не понял, откуда появился этот тип в морской тужурке, потертых джинсах и теннисных туфлях, с широкими плечами, крепкими, сильными руками, якобы расслабленно опущенными.

— Что вам угодно?

Он говорил с легким неопределенным акцентом, то ли андалусским, то ли иностранным. Удивленно взглянул на Коя, словно старался понять, какое тот имеет ко всему этому отношение. Лицо у типа с хвостиком стало уже не злое, а ошеломленное. До него дошло, что этот нахал ему незнаком. Он был выше Коя — все в этот вечер были выше Коя — и через голову моряка посмотрел на женщину, будто ждал, что она объяснит ему этот

Перес-Реверте А.

П 27 Карта небесной сферы, или Тайный меридиан : роман / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп. Н. Малыхиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 544 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-22559-6

1767 год, февраль. Близ берегов Испании, вступив в бой с пиратами, гибнет парусник «Деи Глория», принадлежащий ордену иезуитов. Единственный спасшийся человек, юнга, не успев дать полностью показания о случившемся, таинственным образом исчезает. Все, что он успел сообщить до своего исчезновения, — это координаты места трагедии...

Испания, наше время. Штурман Мануэль Кой, на время лишенный права заниматься судовой деятельностью за то, что во время вахты посадил судно на мель, знакомится на аукционе с девушкой, купившей за большие деньги старинную морскую карту. Танжер Сото, сотрудница музея в Мадриде, маниакально одержима идеей найти погибший корабль, шедший, как она полагает, с грузом чрезвычайной важности. Коя она берет в помощники как опытного специалиста по навигации. Девушке прекрасно известно, что она перешла дорогу могущественным и опасным силам, способным пойти на все, только бы устранить соперницу. Но это ее не останавливает...

В лучших традициях «Клуба Дюма» и «Фламандской доски»!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ
КАРТА НЕБЕСНОЙ СФЕРЫ,
ИЛИ
ТАЙНЫЙ МЕРИДИАН

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Светлана Федорова

Подписано в печать 27.02.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,32.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-BRM-31536-01-R